

"В ЭТИ ДНИ ЧТО-ТО ГРУСТНОЕ ЧУДИТСЯ..."

В далеком 1918 году Одессу лихорадило от смены властей — большевики, затем австро-немецкие войска, Центральная Рада, Директория, французские войска.

Однако, просматривая культурную хронику того периода, поражаешься обилию интересных событий в городе. Молодые поэты собирались в кружке "Зеленая лампа", вышел их "Первый альманах...", происходили гастролы и концерты знаменитых мастеров, открывались выставки художников, появлялись все новые периодические издания.

Среди них — литературно-художественный и политический еженедельник "Жизнь", редактором-издателем которого являлся почетный гражданин, редактор "Одесского листка" 33-летний Сергей Федорович Штерн.

К сожалению, время не позволяло тогда печататься на хорошей бумаге. Сегодня страницы этого журнала читаются с трудом из-за едва видного типографского шрифта. "Жизнь" выходила с июня до начала декабря, в основном, когда в городе были австро-немецкие войска, и оставила нам свидетельства сложного, тревожного времени.

Тем не менее, авторы журнала старались не сосредоточивать свое внимание на военных темах, а больше соответствовать названию издания. По всем номерам рассыпаны лирические стихи и проза А. Федорова, В. Катаева, Ю. Олеси, В. Инбер, И. Бунина... Забавляют похождения мелкого буржуа Дудьки Рабиновича, талантливо описанные С. Юшкевичем. Много одаренный Петр Нилус печатал на страницах "Жизни" эссе под общим названием "Впечатления". Это мог быть рассказ о приезде Ивана Бунина, размышления о будущем школы, трудностях современного быта, песне "Яблочко", дающей повод поговорить о "бедах, которые наделали большевики", и выразить боль за Одессу, "теряющую свою прелесть, становящуюся нищей, грязной и печальной..."

В журнале много внимания уделялось вопросам современной литературы, в частности, конечно, немецкой, но тут же печаталась, скажем, поэма А. Блока "Двенадцать", ставшая для современников большим литературным событием. В читательской полемике

доминировало мнение о том, что "сердца устанут от взаимной ненависти — в этом великое будущее. В активе человечества не только палачи и сатрапы, но и пророки и мечтатели...".

А пока что на страницах "Жизни" соседствовали изящные виньетки и злые беспощадные карикатуры MAD'a. Литературные и культурные события освещали Леонид Гроссман, Борис Варнеке, Станислав Радзинский, Дмитрий Овсянко-Куликовский. По-человечески трогает статья Бор. Бобовича "Памяти Анатолия Фиолетова" и материал о тогдашнем директоре Публичной библиотеки профессоре Михаиле Попруженко.

Уделялось достаточное внимание вопросам изобразительного искусства, как в Одессе, так и за рубежом. Очень доставалось театрам в заметках И. Александров-

ского "Театральные негативы", в которых автор категорически настаивал на кризисе театрального творчества. Больше располагает к себе статья Кудеяра "Об украинском театре", где спокойно и доказательно разбираются достоинства и недостатки украинских трупп и выражается вполне обоснованный оптимизм на будущее.

Вот так и сочетались на страницах "Жизни" столь разные материалы, как, например, "Очерки из жизни в египетской санатории" А. Федорова, публикация "Трефового короля" А. Вертинского и откровенно полемические заметки "Быть или не быть украинской мове государственным языком". Забавно?

Татьяна ЩУРОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Не вѣрю я, что рай есть только сад,
Гдѣ никогда ни яблоко, ни грушу
Не кроет ранами алмазный град,
И гдѣ ничто не возмущает душу.

Я вѣрю рай-такая-же земля,
Но небо там неизмѣримо выше.
И бѣлый голубь, о любви моля
Голубку, там воркует тише.

Великолѣпнѣй облаков игра,
И смерть сама, лишенная скелета,
Живет меж душ, как нѣжная сестра,
Возплотная и теплая, как лѣто.

Там память не безжалостна, как здѣсь,
И не хранит в своей большой тетради
Все, что не в силах сердце перенести,
Молчанье или ненависть во взглядѣ.

Там отдохнет от слез мое лицо,
Там стану я моложе и бездоннѣй,
И, видя на рукѣ своей кольцо,
Скажу:— Кто подарил его, не помню.

Вѣра Инбер.

Не вѣрю я, что рай есть только сад,
Гдѣ никогда ни яблоко, ни грушу
Не кроет ранами алмазный град,
И гдѣ ничто не возмущает душу.

Я вѣрю, рай — такая-же земля,
Но небо там неизмѣримо выше,
И бѣлый голубь, о любви моля
Голубку, там воркует тише.

Великолѣпнѣй облаков игра,
И смерть сама, лишенная скелета,
Живет меж душ, как нѣжная сестра,
Безплотная и теплая, как лѣто.

Там память не безжалостна, как здѣсь,
И не хранит в своей большой тетради
Все, что не в силах сердце перенести,
Молчанье или ненависть во взглядѣ.

Там отдохнет от слез мое лицо,
Там стану я моложе и бездоннѣй,
И, видя на рукѣ своей кольцо,
Скажу: — Кто подарил его, не помню.

Вѣра Инбер.

СТРАННОЕ.

"ИЗ ЦИКЛА ПАУТИНА".

Я о любви писать сегодня не могу.
Я разлюбил Вас; Вы далекая, чужая...
Вчера я понял, что в стихах я только лгу,
Словами нѣжными Ваш образ окружая...
 Вчера я понял: Вы совсѣм не та,
 Какой лелѣял я Вас в творческія ночи
 И снова в сердцѣ зазвучала пустота,
 Но только в этот раз больнѣе и жесточе.
И как-то странно... как-то вдруг... не уловлю:
Мелькнули дрожки и исчезли за кварталом,
А я вдруг понял: Я Вас больше не люблю.
И стало пусто в сердцѣ скорбном и усталом.
 Я разставаясь грустно руку Вам пожал...
 Поникнув медленно побрел по переулку
 И почему-то мнѣ припомнился кинжал,
 Которым серб какой-то рѣзал булку.
А в головѣ бродил навязчивый мотив
Романса: "Бойся мнѣ в любви своей признаться"
...Вдали протяжно прогудѣл локомотив
И гдѣ-то с башни пробило 12...

.....
Я не могу писать сегодня о любви..

.....
Георгій Долинов.

ЧАСЫ.

Слова послѣднія слышны и близки,
Еще нескazanное: навсегда, —
Но все вращается на бѣлом дискѣ
Двѣнадцатилучевая звѣзда.
О, человек! К послѣднему закату
Пусть солнце, угасая, подойдет,
Ты вѣчность пригвоздил! — По циферблату
Не кончится ея недвижный ход.

Юрій Олеша.

Счастье.

Мы счастья ищем всѣ, а счастье, может быть,
Лишь въ томъ, чтобы весной, напившись утром чая,
Сѣсть съ трубкой у окна, душистый дым пуская,
И томик Пушкина открыть.
Сноп солнца со двора ложится золотымъ,
Клубящимся столбом горячей, легкой пыли
И на обоях жжет букеты тусклых лилій
Огнем сияющим своим.
И под напѣвы строф пѣвучих и простых,
Кружась, летает пыль, и в воздухѣ нагрѣтом
Табачный синій дым, зажженный яркимъ свѣтом,
В лучах сгорает золотых.

В трамваѣ.

Блестит шоссе весенним сором.
Из стекол солнце бьет в глаза.
И по широким косограм
Визжат и ноют тормоза.
Люблю звенящій лет вагона,
Квадрат глухого пустыря
И тяжесть солнечнаго звона
У тихих стѣн монастыря.

Вал. Катаев.

СОНЕТ.

Точи свой стих, как дѣдовскій кинжал
От времени зазубренный и ржавый,
И освяти своею новой славой
Его холодный, голубой закал.

На рукояткѣ — дымчатый опал,
Очерченный серебряной оправой:
Неясный образ, вкованный в металл,
Стиха, застывшего тяжелой лавой.

Но для любви забудь стальной сонет,
Любовь полна невѣрности свирѣльной,
В любви хорош трехгранный триолет
И нѣжный лепет пѣсни колыбельной.

Любви свѣтло. Будь безконечно прост,
Как шелест трав, как дрожь весенних звѣзд.

Валентин Катаев.

ВАЛЬС.

Под шум дождя, под рокот грома
Лепечет дикій виноград.
Раскрыты настежь окна дома
И ярко-зелен мокрый сад.
По желобам струится пѣна,
Бѣла, воздушна и звучна,
И весел дождь, как вальс Шопена,
Легко летящій из окна.

Валентин Катаев

СРЕДИНА АВГУСТА.

Средина августа. Темно и знойно в домѣ.
На виноградникѣ сторожевой курень.
Там хорошо. На высохшей соломѣ
Я в нем готов валяться цѣлый день.
Лежу и слушаю. Шум моря ясно слышен.
Как из норы мечтательно гляжу
На хуторок в тѣни сквозистых вишен,
На жнивье, на далекую межу.

Я опьянен душистым виноградом,
Я морем ласковым, я солнцем опьянен.
И спит душа, и сердце жизни радо,
И клонит зной в тяжелый, сладкій сон.
Склоняю голову. Вокруг лепечут листья,
Сердито шелкает вдали пастушій кнут,
И золотисто-розовыя кисти
Дрожат от тяжести и жадно солнце пьют.

Впечатлѣнія.

Грядуще новое.

Недавно мнѣ пришлось пережить совершенно неожиданное впечатлѣніе в приемной доктора.

Сначала меня развлекали болѣе или менѣе томящіеся пациенты. Мнѣ хотѣлось угадать, чѣм они занимаются, о чем думают, и я позавидовал врачу, который с такой легкостью подходит к тщательно оберегаемой двери чужого сердца — стоит ему небрежно постучать — оно послушно открывается...

Скучающіе, томящіеся ожиданіем люди разсѣянно перелистывали книги, брошюры, вѣроятно, скучныя и ненужныя, и я подумал о том, сколько вообще пропадает времени у всѣх, всюду ожидающих, в наше время.

Вспомнился анекдот о нѣмецком ученом, имѣвшем перед обѣдом пять минут свободнаго времени, в которыя он, как пчела, собирал матеріал. А к концу его жизни получила цѣнная книга.

Потянулась рука к одной книгѣ, другой, попробовал было читать, погружаясь в сонливую скуку. Затрепанный номер "Сатирикона", ужасный экземпляр "Нивы"... я уже почувствовал непреодолимое желаніе зѣвнуть, как, вдруг, вниманіе насторожилось — я перелистывал путеводитель по Нью-Йорку — с каждой страницей я испытывал тревожное изумленіе... Я даже уступил свою очередь, заинтересовавшись толстым альбомом, четко, по американски, отпечатанным на мѣловой бумагѣ.

Всѣ мы знаем, что такое пресловутые американскіе "небоскребы". Как разрознен-

ныя единицы, как курьез — это одно, но собранные вмѣстѣ, цѣлый ряд домов, улиц одного и того-же города, это нѣчто совсѣм, совсѣм другое...

Эти сказочныя многоэтажныя чудовища из желѣза и бетона — не то дома, не то дворцы — столпы, дома-ульи, низводящіе своих обитателей — людей до букашек, застрывших в сотах из цемента, желѣза, кирпича, — в большом количествѣ, производят удручающее впечатлѣніе. Эти новые дома вырастают теперь всюду. Их архитектура, планы удивительно совпали со вкусами общества, меркантильным духом времени — они конечно, комфортабельны, изумительны по строительной техникѣ, но они ужасны. Нѣтъ сил без содроганія представить себѣ будущіе города, наполненные этими столпами, застекленными шкапами для людей — а между тѣм, жизнь к тому идет — новая жизнь! Она стучится теперь в каждую дверь и, кажется, нѣтъ сил противостать ей...

Взволнованный, я встал и обратил вниманіе на то, что и я нахожусь, если не в таком ульѣ, каких так много размножилось за послѣдніе годы в Америкѣ, Австраліи, то в современном домѣ, по типу очень близко подходящем к этим страшилищам. И, в ту минуту, мнѣ ясно представилось, что пройдет немного лѣт и весь внѣшній облик жизни будет совершенно другим.

Эта приемная известнаго врача, обставленная мебелью в новом стилѣ — развѣ имѣет что-либо общее с такими же прием-

ными, которые были у врачей 10-15 лет тому назад?

И декорация стен, и мебель, и сотни предметов обихода — все, решительно все теперь другое, да и мы сами — разве не другие люди?

Окончится революция в нашей стране, завтра начнется созидательная жизнь — снова очередной этап, небывалый в истории.

Наряду с устремлением к новому, как противоблес, в нашем обществе замечается такое-же устремление к старине. Тысячи любителей старины помешаны на XVIII веке, стараются всеми силами хоть на время, задержать тень минувшей жизни. Эта борьба с новым, неровная, преходящая, кончится победой жизни, которая вся в переменах, не терпит построения; но не может не смутить современного наблюдателя одна ужасная сторона новых форм. Они, может быть, целесообразны, логичны и совершенны, но как-то суха, лишены живого человеческого чувства. Машины ускорили невроятно темп жизни, фатально опустошая душу современного человечества. Машины принесли с собой и новую красоту; но этой красотой не хватает самого главного, от нея как бы отлетела душа. И то интимное, драгоценное, что было в уютном очаге, живом пламени свечей, долгих путешествиях, уютно навсегда для новой жизни, с автомобилями, трамваями, водяным отоплением, электрическим освещением и многим другим.

Дети, родившиеся в начале нынешнего века, не поймут, а главное — не почувствуют красоты старого уклада жизни; но мы не можем не оглянуться с горестным сожалением на увядшую поэзию дороги, парусного корабля, факелов, свечей, не можем с открытым сердцем принять обновленного, но холодного мира.

И вот, теперь недостаток в жизни чувства сказывается с особой силой. Общество, как никогда, начинает интересоваться вопросами религии, философская мысль уклоняется на плоскость интуиции, душа человека жаждет преодолеть тайну жизни, углубляется в таинственное — все это приметы глубокой неудовлетворенности современной жизни, так решительно оторвавшейся от героического, от романтизма, природы, знающей только сегодняшней день. И похоже на то, что мы забыли что-то очень важное и нужное, без чего нет полноты жизни...

А иной раз кажется, что человечество должно вернуться к прежнему. Ведь стоит допустить, что все те, кто сейчас трудится в шахтах над добытием угля — скажут: довольно... И не будет ни железных дорог, ни Крезо и Крупов, ни чудовищ-фабрик и вместо слепящего электрического света в храм — затеплится древняя кроткая восковая свеча.

П. Ницше.

ДРУГ КНИГИ.

1 октября исполнилось тридцать лѣтъ учено-общественной дѣятельности профессора Новороссійскаго университета, по кафедрѣ славяновѣдѣнія, Михаила Георгіевича Попруженко.

Уроженец Одессы и питомец мѣстнаго университета, М. Г. еще на студенческой скамьѣ сблизился с незабвенным в исторіи одесской культурной жизни, профессором А.И. Кирпичниковым, непосредственное вліяніе котораго, дополняемое руководством таких выдающихся ученых сил, как О.И. Успенскій и Н.П. Кондаков, опредѣлило все направление дальнѣйшей жизни М. Г.

Проф. М. Г. Попруженко

При самых неблагопріятных условіях, вынужденный в теченіе долгих лѣтъ тянуть неблагодарную лямку учительства в средней школѣ, М. Г. продолжал усердно работать в области науки, издавая цѣлый ряд ученых трудов, доставивших ему высшую ученую степень доктора славянской филологіи и широкую извѣстность в ученых кругах как Россіи, так и юго-славянских стран, гдѣ ему удалось во время своих частых ученых путешествій завязать много дружеских связей с выдающимися дѣятелями славянства.

Но ни эта ученая дѣятельность, ни преподавательство в родном университетѣ не могли исчерпать всей кипучей энергии М. Г. Проф. Кирпичников, стоявшій, между прочим, во главѣ одесской городской публичной бібліотеки, скоро усмотрѣлъ в своем юном другѣ безпредѣльную любовь к книгѣ и поспѣшил привлечь его к ближайшему завѣдыванію бібліотечкой, которая с тѣх пор составила главнѣйшее содержаніе жизни М. Г. Руководя в теченіе цѣлаго ряда лѣтъ этим крупнѣйшим книгохранилищем юга, М. Г. прилагает громадныя усилія к его постоянному пополненію. Благодаря его настойчивости и широким связям в самых различных кругах общества, ему удалось добиться того, что в состав бібліотеки цѣликом вошло нѣсколько чрезвычайно цѣнных собраній; наприм., А.А. Борзенко. Но ему ничего не стоит пѣшком пройти в непогоду в отдаленнѣйшую часть города, чтобы там, в какой-нибудь захудалой типографіи добыть для бібліотеки тоненькую брошюру: он ни за что не успокоится, пока всякая напечатанная в Одессѣ вещь, вплоть до уличнаго плаката, не попадет в бібліотеку. Нужно-ли говорить, сколько, благодаря этой настойчивости, сокровищ скопилось в одесской бібліотеке за время директорства проф. Попруженко, и как ему будет признателен будущій историк любой стороны одесской жизни.

Памяти Анатолия Фиолетова.

Как избѣжать вас, пути смерти?
Как обойти вас, дни утрат?

Газетная замѣтка говорит, что в тот самый момент, когда Анатолий Шор (Фиолетов) опустил руку в карман, очевидно, пытаясь вынуть револьвер для защиты, злоумышленник стал в упор стрѣлять, и Фиолетов был убит на-повал. И я себѣ очень ясно представляю, каким бѣлым и блѣдным стало его худое лицо, как широко и испуганно раскрылись его большіе, ясные глаза и как, закачавшись, рухнул на землю бездыханным трупом поэт...

Для нас, его друзей, он был только поэтом! Инспектор сыска? Не знаю... Но,

может быть, и тут он искал вдохновенья, вдохновенья и только вдохновенья...

Фиолетова считали футуристом. Но это не так. Фиолетов был просто поэт. В его наивных, немножко дѣтских, немножко пронических стихах такая бездна художественной утонченности, такая гармонирующая волна хорошаго вкуса и благороднаго чутья, такая очаровательная ласковость ритмическаго содержания, что не о футуризме должна быть рѣчь, а о настоящем, радостном дарованіи, должно быть представленіе о будущем, которое дико и нелѣпо оборвала смерть...

*Чажоточный, угрюмый колокольчик,
Качаясь на зеленой хрупкой ножкѣ,*

Развертывал морщинистый чехольчик,
 Протягивал на встречу солнцу рожки.
 Глаза его печальные линияли,
 Чехольчик был немодного покроя,
 Но взгляды безнадежные кричали:
 "Мнѣ все равно, вы видите — больной я"...
 Какая чарующая, теплотой наполнен-
 ная простота!

Или:

Есть нѣжное преданье на Нипонѣ
 О маленькой лошаждѣ, вродѣ пони,
 И добром живописцѣ Канаоко,
 Который на дощечках, крытых лаком,
 Изображал священнаго микадо
 В различных положеньях и нарядах...

О самых обыкновенных вещах Фио-
 лов умѣл говорить каким-то бесконечно ду-
 шевным языком, языком тихой поэтической
 мягкости и доброты...

Как холодно розовым грушам!
 Из незначащаго он дѣлал нѣкую образ-
 ную и аллегорическую картину:

Мѣсяц очерчен отлично
 В небѣ, как будто кисейном...
 Мѣсяц с улыбкой приличной
 В обществѣ чисто семейном
 Нѣскольких звѣзд, видно — теток
 Прелесть как вѣжлив и кроток...

Стройны и гордым трувером шел Ана-
 толій Фиолетов по скучной дорогѣ жизни. Шел
 и пѣл. Творил свою молодую, пѣвучую сказку...
 и улыбался проникновенно и заботливо:

Ах, как я вас, груши, жалѣю!

Да, он жалѣл груши, чьи "щеки в узорах
 румянца"!

А его не пожалѣли, — выстрѣл и холод-
 ный, блѣдный труп...

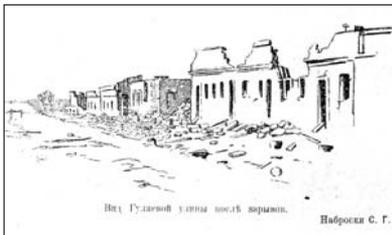
Бор. Бобович.

К ВЗРЫВАМ В ОДЕССѢ.

Вид Столбовой улицы послѣ взрыва.

Наброски С. Г.

Вид Гуляевой улицы послѣ взрыва.

Наброски С. Г.

Мѣстность Бугаевки является наиболѣе пострадавшей от взрыва, происшедшаго 31-го іюля с. г.

Приводимые наброски с натуры сдѣланы с улиц Столбовой и Гуляевой, — это конечныя населенные пункты Бугаевки. На Столбовой улицѣ цѣлый ряд одноэтажных торговых лавок, как видно из набросков, совершенно разрушены. Среди камней можно найти домашнюю утварь, обломки прилавков и между ними массу осколков снарядов и цѣлых снарядов.

На Гуляевой улицѣ расположены были только жилые дома, как видно из снимка, они совершенно разрушены. Такой-же вид представляет и противоположная сторона Гуляевой улицы, имѣющей протяженіе в 4 квартала и упирающейся в также совершенно разрушенный "хлѣбный городок".

Об украинском театре.

Людам щастя-доля,
А мені неволя...

П. Куліш.

Український театр — театр актера, а не пьесы.

В этом отношении он очень близко напоминает русский провинциальный театр прошлого столетия, преимущественно начала и середины его, вплоть до появления Островского, своими творениями положившего начало новой эпохи. Это явление безусловно ненормально, так как оно неестественно выдвигает вперед роль и значение одного из составляющих факторов сценического творчества в явный ущерб другим, но оно существует и с ним надо считаться.

Одна из причин — и главнейшая — этого лежит в юности, молодости украинского театра. Всякий театр в первое время своей деятельности выдвигает лишь актеров, не давая ничего особенно примечательного в области репертуара, так как процесс созидания театральной литературы — тяжел и труден и требует для себя гораздо больше продолжительного времени. Другая причина находится в плоскости общественно-политических условий — Украинский театр, как театр национальности негосподствующей, всегда находился под сугубо бдительным надзором рачительного начальства, что как известно, отнюдь не является обстоятельством, особо благоприятствующим развитию искусства. На пути его развития были разсыпаны далеко не одни лишь розы. До каких предельов доходило начальственное попечение, достаточно ярко показывает такой случай. Нький уездный сатрап приказал заглавие популярной пьесы "Ой, не ходи, Грицю, та на вечерниці" изменить на "Ой, не ходи, Григорій, на танцевальные вечера".

Театр живет, питается жизнью, отражая ее в себе — ярко и полно. Они находятся в непрерывном взаимодействии и характер, перемены, изменения одной тотчас же сказываются на другом. Театр чутко отражает жизнь, а украинская жизнь не блистала излишним многообразием, благодаря все тому же начальственному недреманному оку.

Самостоятельная общественная жизнь на Украинѣ была задушена. Ее не существовало, так как в ней видѣли угрозу государственности.

Национальное чувство было заглушено. Оно всячески вытраивалось, как противорѣчащее дальнзоркой предусмотрительности правительственных мѣропріятій.

Область применения родного языка была невѣроятно сужена, замкнувшись в предѣлах едва ли не одной только семьи.

Невольно рождается предположение: не являются ли политическія события последнего времени естественным слѣдствием предшествующаго. — Сѣявшие вѣтр невольно пожалы бурю. Но как бы то ни было, для театра это имѣло влияние болѣе, чѣм пагубное. Оно изменило его цѣли, видоизменило стремления и совершенно извратило отношение к нему публики.

В украинском театрѣ стали видѣть только лишь средство забавы: веселое, незамысловатое, не претендующее на серьезное значеніе — искусство, да и искусство ли еще. В нем стали видѣть искусство низшее, второго сорта, разщвѣченіе для толпы, куда интеллигентный зритель может попасть только случайно, с н и з о й д я. Словно взрослый появляется в дѣтской, чтобы кого-то пожурить, кого-то подтянуть, пред кѣм-нибудь показать свою широту взгляда, гуманность. Вот де, всѣм интересуюсь, во все вхожу.

В украинском театрѣ интеллигентный зритель держал себя, как в кунсткамерѣ, почти не отнимая лорнета или монокля от презрительно прищуренных глаз. Театр этот потерял в глазах зрителей то высокое значеніе, ту самодовлѣющую красоту, которыя составляют его характерныя и неотъемлемыя особенности, как театра. В украинском актерѣ перестали видѣть дѣятеля искусства, играющаго большое культурное значеніе. Званіе актера, вообще не обрѣтавшееся в большом авантажѣ у публики, для дѣятелей украинской сцены было поставлено на низшей ступени этой, не слишком избалованной истинным почтеніем іерархіи.

Длинные усы, смазные сапоги, полшубок овчинный и сивая шапка — вот как воображенію публики рисовался житель Украины вообще, украинскій актер в частности. Их, мол, удѣл — гопак да горилка. Естественно, что такая обстановка не могла быть чрезчур привлекательной для пылкой молодежи, ищущей на сценѣ — красивых вымыслов, поэтических грез, влекущих своей таинственностью. И это наложило особый оттѣнок на актерскую братію украинскаго театра. Но с другой стороны, благодаря этому, здѣсь на сцену шли лица дѣйствительно убѣжденные, искренно преданныя родному искусству и жертвовавшія для него всѣм. Интересы украинскаго театра были для них выше и дороже всего остального. Выдающаяся артистка М.К. Заньковецкая рѣшительно, напримѣр, отказалась перейти на русскую сцену, несмотря на самыя лестныя и заманчивыя во всѣх отношеніях предложенія. Ей представлялась возможность перейти от гнетущаго своим однообразіем и ходульностью украинскаго репертуара к высокохудожественным произведеніям русской литературы, но она отказалась. Она вѣрит в украинскій театр и знает, что будущее во всяком случаѣ, за ним.

Украинскій репертуар — полон недостатков. Пьесы его в большинствѣ технически построены слабо, мысли, проводимыя ими, темы — однообразны, и объясняется это молодостью — театра, его продолжающимся еще формированіем. Молодо-зелено, с одной стороны. С другой — украинскій театр находится сейчас едва ли не в младенческом состояніи, и причину этого нужно искать внѣ его. Начальственная опека пожиная здѣсь обильные плоды своей многолѣтней дѣятельности. Самостоятельной общественно-политической украинской жизни — не было и, таким образом, область наблюденія была ограничена до возможно малаго предѣла. Остался свободным лишь круг вопросов общечеловѣческаго характера, которые, не будучи заключаемы в оправу конкретной общественно-политической обстановки, — за отсутствіем таковой, теряя свой реальный характер, становились отвлеченно-риторическими. Оттого-то главную и почти единственную тему украинских пьес составляет — любовь, изображаемая в обстановкѣ — млынков, ставков и вишневых садков, поставленных внѣ вре-

мени и поэтому лишенных исторической конкретности. И часто авторам, сжимаемым тисками начальственного произвола, приходилось обращаться к прошлому, к вопросам минувшаго, и потому — не только, конечно, — в украинском репертуарѣ столь видное в количественном отношеніи мѣсто занимают пьесы историческаго содержания, в которых, однако, можно меньше всего найти подлинной исторіи, но здѣсь вина в значительной степени ложится уже на сценическую неопытность украинских драматургов.

Вспыхнувшая революція, основательно всколыхнувшая нашу жизнь, вселила надежду, что естественный толчек будет получен и украинским театром. Предполагалось столь понятное оживленіе театральнoй дѣятельности, слишком долго томившейся в сѣтях безправія. Неоспоримо было ясно, что над украинским театром нависла неминуемая угроза: пучина безрепертуарія грозила безслѣдно проглотить его. Думалось, что таившіяся до сих пор под спудом силы, вырвавшись на свободу, смогут развернуться, показав себя во всей красѣ и блескѣ. Но вот уже слишком полтора года насчитываем мы свободной жизни и, однако, надежды наши и донинѣ остаются лишь надеждами. Новых оригинальных пьес, за исключеніем, правда, одноактных миниатюр макулатурнаго производства, за это время не появилось, насколько мнѣ известно, лишь — одна; это комедія В. Винниченко — "Повстання Мари". Но говоря и об этой единственной новинкѣ украинскаго репертуара, невольно вспоминаешь отзыв гоголевскаго Собакевича о прокурорѣ. Извѣстный политическій дѣятель, всѣ силы посвящающій родному дѣлу, один из талантвѣйших сыновъ Украины на поприщѣ литературы, художественнаго творчества, на происходящее откликнулся лишь легкой комедіей, весьма часто сбивающейся на фарс. Хотя надо признать, что и общерусская театральная литература доселѣ не дала ничего значительнаго, достойно отразившаго бы происшедшее и еще происходящее. Но если слабо с литературой оригинальной, то с литературой переводной дѣло обстоит гораздо благополучнѣе, но это вопрос столь важный и обширный, что я остановлюсь на нем отдѣльно.

По многим причинам украинскій репертуар продолжает оставаться прежним и требует основательнаго пересмотра. Обстоятельство — печальное, но положеніе не отчаянное покамѣст. Долго продолжается процесс броженія и пора бы уже приняться за творческую работу, которой еще — непочатый угол.

Итак. — Много в украинском театрѣ недостатков, и недостатков крупных. Но нѣтъ оснований говорить, что украинскій театр не расцвѣтши отцвѣлъ, что это, де, — пустоцвѣтъ, от котораго ожидать чего либо — безнадежно. Беря неголый факт, и ознакомившись с основными причинами, могущими дать ему объясненіе, мы придем к другому заключенію. — Украинскій театр имѣет много положительных зачатков, и на нем лежит обязанность оправдать возлагаемая на него надежды.

Будущее за ним.

Путь открыт.

Кудеяр.